

НЕНОРМИРОВАННАЯ СТЕЗЯ ГАЗЕТЧИКА

Врез-аннотация

Творчество и опыт коллег-журналистов Мурманской области, на мой взгляд, достойны доброй памяти. Трое из пяти работали в «Полярной правде», областной газете, довольно острой и интересной в условиях того времени. Число ковдорчан, её постоянно выписывавших, втрое-вчетверо превышало количество подписчиков районного «Кировского рабочего». Не только благодаря программе телепередач «Полярку» раскрывали, поскольку было что прочесть. Если на выступления «Рудного Ковдора» местные власти порой не обращали внимания, я писал напрямую в областную газету. В конце концов, Ковдорское начальство пришло к выводу, что лучше отвечать «Рудному», чем светиться на всю область.

Понимаю, прошло много времени, другое время на дворе и другие песни. Однако, вспомнить добрым словом коллег всё-таки надо. Предлагал наследнику «Полярки» – «Мурманскому вестнику» в лице её редактрисы. Пытался связаться с нынешней главой Союза журналистов по фамилии Солдатов. Пока была возможность общаться по телефону или Интернету. Из «Вестника» поступали неразборчивые ответы, главная журналистка области обещала принять меры, как только вернётся из Сыктывкара. Видимо, застряла в командировке. Наконец, обратился на факультет журналистики бывшего пединститута. Даже в районные газеты, которые в своё время редактировал. В ответ – всё та же презрительная тишина.

До недавнего времени мои бывшие районки мне присылали, могу сравнить. Даже Терская «Беломорская волна» 1938 года была куда профессиональнее своей нынешней наследницы. Мне пыталась помочь наладить контакты Ольга Рудольфовна Биттенбиндер, бывший редактор «Терского Берега». Старалась она, старалась, и пришла к выводу, что нынешним акулам пера достижения предшественников не интересны, они сами с усами. Возможно, причина в том, что в журналистику попёрли женщины. Конечно, нет мужских или женских профессий, но, в мои времена, журналистки, которых ценили за профессионализм, в личной жизни были обделены.

В дополнение к пяти зарисовкам приложил наброски к поэме, опубликованные в «Рудном» в 1976 году, полвека тому назад. Примерно, в те же годы блистали в прессе все пять моих героев.

УРОКИ СТАРШЕГО ТОВАРИЩА

Никогда прежде Евгений Борисович не раздражался по моему адресу столь убийственной тирадой. Это и огорошило. Подчёркнуто уравновешенный, человек, буквально сотканный из доброжелательности. И вдруг. Ещё и добил – извинился при встрече за нехорошие слова. Он, как представляю, вообще не мог жить с ощущением, что кому-то причинил боль. Даже справедливую, даже по делу. Ибо закончил:

– Сам понимаешь, газетчику без дисциплины никак нельзя.

Я понимал, ещё бы. «Полярка» – то есть, сам Евгений Борисович, он по традиции вёл ответственные полосы – заказала отчёт с районного мероприятия, строк на 250. А я не уложился в отведённую площадь, надиктовал поляркинской стенографистке 400 с гаком. Про себя злорадничал. Дескать, так закрутил сюжет, что попробуйте-ка, сократите.

Он сократил. Без видимого ущерба для текста. И с ощутимым, как обычно, уважением к автору. В тех местах, где можно было не ковыряться – не притрагивался. Но цифру сверил и выправил, нашёл «нолик», который я потерял при переводе тонн в центнеры, инициалы рядом с одной из фамилий привёл «к одному знаменателю». Представляю, сколько ушло у него на это «блохоловство» лишних минут. В Мурманске-то не так-то просто сверить имя-отчество деятеля Терского масштаба.

Обругал меня заместитель редактора областной партийной газеты не за эти огрехи. Как профессионал, он представлял, что на скорости разное случается, что подстраховка обязательна. Ругал (или наоборот – как бы похвалил, как бы приблизил к себе, к своему уровню?), ругал как профессионала: получил заказ на 250 строк, изволь столько и выдать. Не уложился, растянул до 400 – грубо нарушил технологию производства газеты, поставил номер на грань срыва графика. Профессионал не мыслим без уважения к труду остальных звеньев цепи.

В век, когда мы всё резче отставали в компьютеризации, в прочих новейших достижениях, наша пропаганда упорно продолжала превозносить людей с серпом и молотом в руках. Людей, занятых ручным непроизводительным трудом. Может, идеологи, стоящие у руля, пытались таким образом компенсировать пробелы в истинной заботе об этих тружениках?

Вдвойне сложно тогда было писать о газетчиках. Они-то, если со стороны, вообще лишь «бумажки переключают». На кладбище, при прощании с Евгением Борисовичем, пожилая женщина, видимо, комсомолка сороковых, шёпотом поправила слова говорившего:

– Чего-там для организации... Для всего Мурманска – потеря.

Близкий человек, вместе с Бройдо она ходила на субботники. До и после войны.

Постараюсь рассказать о газетчике, который был ежедневным собеседником нескольких поколений читателей области. Евгений Борисович Бройдо в журналистике с до войны. После войны возродил, стал редактором «Комсомольца Заполярья», почти тридцать лет без малого работал заместителем редактора «Полярной правды».

Нет в областной газете такой должности – Первый заместитель. Но двери его кабинета – напротив дверей редактора. Присутствие Евгения Борисовича в газете читатели ощущали не только тогда, когда в конце номера стояла его подпись. Бывало, заместительство длилось до года и больше. Не сразу же подберёшь на должность редактора головной в области газеты достойного товарища. Да и редактор в «Полярке», – да простят меня товарищи начальники – всё же должность, связанная с представительством. Пока шеф в разъездах – у руля газеты бессменный и незаменимый.

Газетчики – народ самовлюблённый. Им необходимо ощущение собственной значимости. Мысль «если не я, то кто напишет?» – помогает напрячься и сконцентрироваться. В коридорах коллеги всегда не прочь пройти весёлым словом по коллеге. Чем больше уважают, тем чаще. Одна из самых знаменитых баек, которую довелось услышать чуть ли не от каждого корреспондента «Полярки» и «Комсомольца Заполярья», – история о том, как великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький посетил в середине двадцатых годов XX столетия Мурманск и катался по городу с маленьким Бройдо на руках. Ребёнок не понимал всей значительности события. На каком-то повороте, уж извините, описал брюки усатого дедушки...

Нет другого примера, чтобы человеку, подмочившему в те годы репутацию Алексея Максимовича, с рук сошло. Понимаю, не надо ёрничать, погоня за красным словом не всегда ведёт к читательскому одобрению. Но всё думаю: не случись этот милый казус в действительности, его стоило бы выдумать. Потому что всей своей жизнью, отношением к себе и людям – даже если внешне казалось, что Евгений Борисович уж слишком уступчив – он в главном не сгибался, не отступал. Поступал так, как считал нужным. И эти деяния его воспринимались, как естественное продолжение его личности.

* * *

Детство сопровождает истинного художника всю жизнь, не отделимо от него. Если ты перестанешь удивляться окружающему, читатели перестанут тебе верить и доверять.

...Пятидесятилетний юбилей главной среди районно-городских газет области – «Кировского рабочего». Речи, одна другой правильнее и зануднее. Вдруг – что-то яркое, взволнованное. Президиум то и дело переглядывается. А Евгений Борисович – руководитель областной журналистской организации – говорил и говорил о газете, о газетчиках. Спустился, сел. Поёрзал. Повернулся и спросил:

– Ну как я?

Стало стыдно, что постеснялся тронуть его плечо, пожать руку, поздравить с живой речью. Он-то, при всей своей занятости, никогда не упускал случая – на летучке ли, по телефону, в коридоре – остановиться и поделиться мнением о твоём последнем материале. Такая обратная связь журналисту крайне необходима.

Принимая, как должное отзывы Борисовича, мы порой забывали, что он – история и совесть «Полярной правды» – тоже человек, живой. И ему перевести дух под тёплое дружеское слово, ой как необходимо.

Сказать, что заместитель редактора приходил раньше всех, до девяти утра, а уходил после всех, после подписания газеты в печать, после двадцати вечера, значит, ничего не сказать. Даже если добавить про дежурства по случаю значимых событий в жизни страны, про ожидания ТАССовских восковок с материалами и поправками до утра. Даже если вспомнить, что пятидневная рабочая неделя при шестиразовом выпуске газеты, опять же была не для него. По субботам с утра – на работе. Как штык.

Каждая профессия завязана на свою технологию. Бряцать ею не стоит. И всё-таки, чтобы полосу газеты (страницу, то есть) не подбрасывало на ухабах и выбоинах, каждый материал должен быть вычитан до засыла в набор. И перепроверен. Плюс чтение «свежей головой» всех четырёх полос, до буквочки. С зама редактора никто эти обязанности не снимал. При случае – и макетирование, от «черчения» страницы до вёрстки. Сама верстка.

Но почти в каждом номере газеты – актуальный, с колёс репортаж Евгения Борисовича. А то и серьёзная, с раздумьями статья. Когда он успевал и как? Телефону при всём обилии личных знакомств доверял редко, норовил на месте побывать увидеть, пощупать. Автомашине для лавирования по городским улицам хватает четырёх-пяти скоростей. Газетчику для переключения себя со скорости на скорость, с одной работы на другую – сколькими специальностями надо владеть. Зачастую они противоположны по своей сути. Уметь писать, к примеру, и уважительно править другого – редко кому удаётся. Обычно, или «я» или «он». У литературного редактора и корректора опять же разные навыки и цели.

А он, заместитель редактора большой и уважаемой газеты, садился – сам видел – за элементарную корректуру. Материал областного стат-управления – весь в цифрах. Евгений Борисович сидит и терпеливо подчитывает корректору. Поверьте, даже в районных газетах подобное встречалось не часто.

* * *

Сейчас уже можно, припомним, чего там. Евгения Борисовича лет за пять до Перестройки (или около этого) показали по Центральному телевидению, в программе «Время». Наша официальная пропаганда как раз отбивала очередную атаку из-за бугра на предмет национальной политики. Нужно было продемонстрировать, что в руководителях средств массовой информации значится человек и с не такой фамилией...

Евгений Борисович, помнится, достойно вышел из ситуации. По крайней мере, не стыдно было на него смотреть и слушать.

А по мне, надо было тогда говорить по Центральному телевидению о Евгении Борисовиче, как об одном из представителей поколения сороковых годов. Выстоял в самое страшное время, сквозь огонь войны пронёс, как эстафету, святую веру в идеалы революции. Несмотря ни на что и ни на кого.

Служение газете у Бройдо было как бы продолжением, материальным воплощением искренней убеждённости человека, принятого в партию на передовой, в окопах. С рекомендацией: «За отличие в бою».

Не знаю, как преемники на замовском посту или друзья разгребали завалы бумаг и подшивок в его кабинетике. Там же свободного места, как в подводной лодке, только чтобы пройти и сесть. Всё остальное – книги, вырезки, справочники, газеты.

Как-то зимой (или весной?) Евгений Борисович извлёк из-под спуда две переплетённые подшивки:

– Видишь, какие линейки привёз из Москвы? Тогда про них в Мурманске не слыхивали. А заголовки?

Всё правильно, в пятидесятых они казались необычными. Скажем так. Редактор комсомольской газеты передавал в номер репортажи с первого Фестиваля молодёжи и студентов в Москве. Успевал на всех событиях форума побывать. Диктовал ночами по телефону материалы на полосу и больше, продираясь сквозь помехи связи и отсутствие стенографистки.

Сколько лет прошло, а рассказывал, как о свежем событии. Не только предысторию каждого материала, но и заголовка к нему. Да что там любимое детище – послевоенная «Коза» («Комсомолец Заполярья»). В «Полярке», во всех тридцати увесистых томах годовых подшивок, Евгений Борисович безошибочно мог указать: в каком году – месяц и число – на какой полосе тот или иной материал завёрстан.

* * *

Тридцать томов годовых подшивок... Единственные книги, к созданию которых причастен журналист Бройдо. Ревностный читатель, хозяин одной из самых интересных – проштудированной лично – библиотек в Мурманске, Евгений Борисович не пропускал, кажется, ни одной книги своих младших коллег, что косяком выходили в Мурманском издательстве. Каждую нашёл за что похвалить. Только сам не познал счастья подержать в руках книжку с собственной фамилией на обложке.

Некогда было, не до этого. Поезд очередного номера газеты не ждёт, должен уйти по графику и проследовать со всеми остановками.

На официальном бланке всесоюзной газеты пришло письмо от учёного коллеги. Дескать, он намерен писать книгу о журналистах, а в Терском районе был репрессирован такой-то редактор. Не откажите ли в любезности прислать данные о нём, может, кто из родственников или друзей чего вспомнит? Адресочек бы.

Не представляю, чтобы Евгений Борисович обратился с просьбой-поручением по поводу своего личного хобби. Поспрашивать книжку в умбском замечательном книжном магазине, особенно, военные мемуары – было, просил. А чтобы свою заботу да на кого-то...

Зато райончики помнят его дотошные вопросники по случаю подачи в праздничных номерах «Полярки» репортажей с мест. Не вина заказчика, что чаще всего эти репортажи выходили напыщенно-серыми, как форма одежды стражей порядка в те годы. Евгений Борисович считал: если он детальный вопросник подкинет, так журналист постарается. Нашёл дурака, искать конкретные факты да сочные примеры! Пошукать-то можно, ноги не отсохнут, но рука всё равно привычно выведет: «Вдохновлённые решениями... трудящиеся, все, как один, ответили всё возрастающим трудовым подъёмом».

И как он потом умудрялся из этого мутного потока отсеивать живые слова!

Ночь. Костёр у Белого моря, у Кузомени. Делегация журналистов области знакомится на месте с историей и спецификой. Природа, луна. Потянуло на стихи. Евгений Борисович под восхищённым взглядом своей жены, Евгении Борисовны, вошёл в круг и потрянул стариной.

В годы его юности царили комсомольские поэты – Жаров, Уткин, Безыменский, Светлов. Поэты, которые не топили пафос революции в липкой струе доносительства и подозрительности. Кто знает, не будь у комсомольцев тех лет такой отдушины, чтобы с ними стало.

Стою и улавливаю в юношеских стихах читавшего те же интонации, что и у друга его по мурманской школе, Александра Подстаницкого. То отголоски знакомого и любимого

Уткина, то нетерпение Жарова. И рифмы с неизменным «ра-ра-ра». Не про того бога солнца, что с большой буквы у символистов, а чтоб с возгласом «ура» сочеталось. Чувства сквозь эти разрешённые официальной пропагандой штампы просачивались, как вода сквозь пальцы.

Как-то Евгений Борисович зазвал меня в свою кабинку, что было крайне редко и спросил: как подборка стихов? Смотрю, глаза уж больно заинтересованные. В них его обычное: «Ну, как?». Тяну время, к нам в провинцию газеты поздно доходят, ещё не успел. Достает из-за стола – читай.

Грамотные, милые женские стихи, какие обычно пишут на второй волне влюблённости. Для себя, не для печати. Что-то такое и промямлил. Нос у Евгения Борисовича заострился, очки повлажнели, чуть не заплачет. Спыхватился, стал выискивать и пробовать на язык метафоры. Грубо получилось. Но отошёл старик. Поблагодарил.

– Это, сказал, стихи младшей дочери. Никому не говори только. В стихах она пошла дальше меня. Жаль, в газетчики не решилась. А стихи у неё получаются, правда?

Стихи, в общем и в целом, были на уровне. Не один сборник украсили бы.

Вспомнил о стихах дочери не в упрёк. В подтверждение мечты старого газетчика: хорошо бы продолжаться в своих детях. Но тысячу раз прав Михаил Светлов: подражать темпераменту невозможно. А газетчик, если он профессионал, и есть в главном и основном – темперамент.

Не решился напроситься в гости домой, ни разу не был. Позвонил, в день его шестидесятилетия, сказал, что мы в Мурманске, втроём с женой и с сыном, с трёх сторон готовы защитить его от нападения болезни. Среагировал:

– А с четвёртой она прорвалась...

Понимаю, не в укор мне. Он знал, что дни сочтены. Про четвёртую сторону, куда и прорвалась болезнь, Евгений Борисович сказал на автомате. Отпасовал на лету слово, как шарик за теннисным столом.

Человек вернулся из отпуска и захворал. Крепился, всё думал, что случайный недуг. Побывал в двух больницах. Всё понял. До последнего момента читал, перезванивался. За все три месяца случилось лишь одно утро, когда он не попросил первым делом «Полярную правду». В тот день его не стало.

К счастью, Е. Б. Бройдо не пришлось вести газету в разгар ГКЧП. Прожить ещё два года и присутствовать при развале страны ему не судилось.

АБТ

Журналистика – занятие сугубо индивидуальное, но невозможное без коллектива профессионалов, без достойного окружения. Без среды, наконец. Даже сейчас, когда появились весьма удобные и мобильные средства массовых коммуникаций. А в середине прошлого века сентенция, что «один в поле не воин» считалась у пишущей братии чуть ли не аксиомой. И всё же, и всё же встречались исключения. В лице рядового редактора периферийного издательства при Мурманском обкоме партии – Александра Борисовича Тимофеева. Сокращённо – АБТ, по уважительной аналогии со знаменитым БДТ, Большим драматическим театром.

Правление областного Союза журналистов и сектор печати обкома время от времени собирали сотрудников многотиражных и районных газет. Всегда получалось, что эпицентром стандартного мероприятия становился разбор публикаций рядовым редактором Мурманского издательства. Периферийные газетчики ждали этих встреч. При случае, при очередном вызове в область, отправлялись в квартиру на первом этаже жилого дома, где размещалось издательство. Поздороваться или поделиться впечатлениями от новой книги академика Лихачёва.

Не скажу, что Тимофеев и я дружили. После тридцати люди редко притираются друг к другу. Но какая-то взаимная симпатия сближала. Она-то и встала между нами стеной, когда я решился подумать об издании своих стихотворений. Что касается лирики, когда тебе за сорок – откровенничать про поцелуи и вздохи стыдно. А вот сатиру, эпиграммы да стихотворные фельетоны – почему бы не попытаться?

Саша сгладил мои опасения. Объяснил, там, где касается сатиры, юмора и разных полунамёков, добро дают исключительно московские инстанции. Не все, а кому положено. Потому могу не переживать, в любом случае рукопись уйдёт в Москву по некоему адресу. На утверждение.

Папка с первым экземпляром вернулась из столицы нашей родины месяца через два-три. С рецензией. За подписью штатного сотрудника журнала «Крокодил». Фамилию автора бумаги мог бы привести, да лень рыться в папках. ФИО столичного Зоила ничего не скажет нынешнему читателю. Как, впрочем, и мне тогда.

Товарищ, ответственный за сатиру, мои потуги похвалил. Особенно те, что пробились на страницы центральных газет – «Известий» и «Труда», журнала «Крокодил». Не нашёл рецензент и словесных огрехов. За что с начинающим автором легко расправиться. Почти не нашёл. Зато там, что касается идейного содержания или соответствия разным постановлениям, – поупражнялся всласть. Взъелся до пены на губах на весьма удачную и точную, на мой взгляд, эпиграмму:

И какой бы не вскрыли изъянец,
В строгих пунктах решительных мер
Поминаем прогульщиков, пьяниц,
И т. д., и т. п., ИТР.

Все четыре строки отчёркнуты красным карандашом и тем же уничижительным колером приписка: «Какое имеет право автор так неуважительно отзываться о тяжёлом труде инженерно-технических работников?».

Я всё понял. Саша меня не успокаивал. С тех пор, до самой его кончины в августе 1991 года, мы дружили без всяких меркантильных нюансов.

Конечно же, я знал, что рядовой литсотрудник областного издательства, обладатель инициалов АБТ, явился фактически создателем Мурманского отделения Союза писателей. Саша помог обрести крылья более чем десятку земляков. Многих приняли в Союз по первой же книге, изданной в Мурманске. Среди них обязательно назовут прозаика Виталия Маслова. А я сначала вспоминаю поэта Владимира Смирнова, человека, влюблённого в свой суровый край.

Чем больше живу на свете без возможности поговорить с Сашей, тем чётче и яснее понимаю, как много он, повторяю, рядовой сотрудник рядового издательства, успел сделать.

Любопытно, об уважении к Мурманскому издательству я узнал вскоре после окончательного возвращения в Киев. Разговорился с известным в городе книголюбом и от него услышал восторженные эпитеты в адрес ближнего Заполярья, где в 83–85 гг. переиздали все шесть или семь книг Анатолия Волкова. Начиная с «Волшебника изумрудного города» и заканчивая «Огненным богом Марранов». Только тут всплыли рассказы Саши Тимофеева о ярких детских воспоминаниях по поводу произведений сего довоенного автора. Книги Волкова весьма скрашивали голодные и холодные будни военных лет. Страшили, Железные Дровосеки и прочие симпатичные персонажи поднимали настроение в месяцы и годы, когда чёрная тарелка репродуктора извергала из себя неразборчивые хрипы об отступлениях.

Обращение издательства к книгам А. Волкова не обошлось без настойчивых рекомендаций АБТ. Он же вернул читателям довоенного «Капитана Врунгеля», донельзя изувеченного мультипликацией производства Киевской научно-популярной киностудии. Не спорю, возможно, художники киностудии были посовременнее иллюстратора первого издания. И стихи с экрана прозвучали качественнее. А я так, ещё с того времени, когда книги только рассматривал, читали мне взрослые, запомнил такие строчки:

Сидела птичка на лугу,
Подкралась к ней корова.
Ухватила за ногу –
Птичка будь здорова!

Не удивительно, что, воспользовавшись моментом, я послал с Кольского п-ова истинного Врунгеля всем хорошим знакомым.

А когда ещё можно было ездить в ближайшее зарубежье к друзьям – без виз и без паспортов международного образца – случайно (то ли в Киеве, то ли в Минске) купил на раскладке воспоминания Александра Городницкого, знаменитого барда и поэта.

Автор популярной песни про атлантов, которые держат небо, громогласных восторгов по адресу жены французского посла в столице африканской страны, исполнитель грустного прощания с последним в сезоне караваном где-то на далёком

севере, создатель залихватской фразы: «Люблю тебя я до поворота, а дальше – как получится...» и других спутников интеллигентной публики рассказал, как поначалу доверял исполнять свои песни третьестепенному ленинградскому артисту по фамилии Резник. Тому самому, впоследствии автору шлягеров Аллы Пугачёвой и других звёзд эстрады. Надо же, в начале своей карьеры человек черпал вдохновение из чистейшего источника. Однако пользы для себя не извлёк. И хотя облачился в белый с иголки костюм, этот камуфляж вряд ли обелит, его, так называемое, творчество.

Читаю и вдруг – встреча. Городничий, оказывается, хорошо знаком с редактором Мурманского издательства Александром Тимофеевым. Мурманчанин вызвался подготовить к печати сборник молодого поэта. Но вокруг стояли глухие брежневские времена, книга не вышла.

Впечатлений об Александре Борисовиче за пределами издательства у меня немного. Бывал и не раз в обоих его домах, слышал и видел, как он разговаривает с сыном, как встал на колени, чтобы помочь жене снять зимние сапожки. Как-то в конце декабря пару недель провёл с Сашей в туберкулёзной больнице. В разных отделениях. Встречались во время предобеденной прогулки. После двенадцати из-за горизонта пробивались первые лучи солнца, около часу они уже утекали за горизонт предвечерней зарёй.

В отличие от большинства знакомых журналистов, Саша – мурманчанин, если не родился здесь, то уж учился в школе. Здесь и пригодился. И ещё слышал, что у него есть брат, но носит другую фамилию, один – отца, второй – матери. Саша стал Тимофеевым. Ещё в школе. Почему да отчего так получилось – не спросил, а сейчас уже, как говорится, без разницы.

Основной контингент больных в туберкулёзном заведении – осуждённые, вышедшие на свободу с чистой совестью и с подорванным здоровьем. Лечение – лечением, но и кормёжка там была чуть ли не ресторанной – по вкусовым качествам и количеству. Раз в неделю даже выдавали по чайной ложке чёрной икры. Саше досталась палата размером со школьный актовый зал. Он пользовался авторитетом, ему всегда оставляли для прогулок самый чистый и тёплый полушубок. Недуг, по всей видимости, прицепился ещё в военном детстве, когда лучшим лакомством и обманкой аппетита считался комбикорм для животных, отходы производства подсолнечного масла – жмых. Наполовину состоявший из подсолнечной шелухи.

Книги Мурманского издательства занимают на моих стеллажах около двух метров. Монографии по истории края, словарь Кольских говоров, воспоминания командира партизанского отряда, воевавшего с союзниками гитлеровцев – финнами. Поэтические сборники мурманских поэтов, повести и рассказы мурманских писателей. Плюс корифеи всесоюзного и всероссийского масштабов, издававшие свои первые книги при помощи А. Б. Тимофеева.

Мурманские поэты восторженно отзывались о Тимофееве-редакторе. Чаще всего – Владимир Смирнов. Ему можно верить, он слов на ветер не бросал. Но как представить «в стихах и красках» участие Александра Борисовича в выходе фотоальбома военного корреспондента ТАСС по флотам Евгения Ананьевича Халдея? Это спустя почти восемьдесят лет после той страшной войны фотодневники человека, запечатлевшего события от 22 июня 1941 г. вплоть до 9 мая и 23 июня 1945 года, и до процесса в Нюрнберге, считаются классическими. Кочуют от выставки к выставке. Включая персональные.

А в далёком 1973 году имя фотокора, запечатлевшего Знамя Победы над Рейхстагом, редко упоминалось в положительном плане. В годы, омрачённые «делом врачей» и прочих космополитов, Халдея начисто вычистили из списков Государственного

телеграфного агентства Советского Союза, лишили средств к существованию. Лишь спустя годы фотокора взяла в штат газета из второй десятки заглавных изданий страны – «Советская культура».

Предложение редактора периферийного издательства издать фотоальбом «От Мурманска до Берлина» принесло опальному фотокору не только моральное удовлетворение. Однако путь от лестного предложения до осуществления намерений был усыпан далеко не розами. Как нельзя вовремя подоспело предисловие к фотоальбому, написанное Константином Симоновым. Адреса первых командировок на фронт военного корреспондента «Красной звезды» Симонова и фотокора ТАСС Халдея – совпали.

Константин Михайлович счёл нужным отметить: *«Может быть, в моём отношении к этой книге есть и личный лирический оттенок. Смотрю на некоторые снимки – и вспоминаю сорок первый и сорок второй годы; Мурманск, Полярное, офицеров и солдат 14-й армии, сражавшихся на мурманском направлении; североморцев – подводников, катерников, морских разведчиков. Вспоминаю Рыбачий и Средний полуострова, и сражавшихся там пограничников, вспоминаю артиллеристов, про которых написана была поэма «Сын артиллериста», вспоминаю лётчиков, защищавших мурманское небо. И сличая свою память с фотопамятью Халдея, с уважением думаю о точности его памяти...».*

Чёрно-белый фотоальбом тиражом в 50 тыс. экземпляров отпечатан в 1984 году в Твери, то бишь, в Калининe. Поближе типографских возможностей не нашлось. Как понимаю, и этот вопрос решал всё тот же скромный редактор книги. Если уж по правде, то страницы фотоальбома в основном посвящены второй части заголовка – «... до Берлина». Хотя, фотокору пришлось-таки вспомнить молодость и опять появиться в Мурманске, дабы запечатлеть памятник «Мурманскому Алёше», вечный огонь у его ног и панораму многоэтажек, заменивших деревянные строения, дополнить фотолетопись войны портретами героев в условиях мирной жизни.

Я, младший школьник, в войну знал о боях только по фотографиям. И вдруг увидел в альбоме Халдея кадр, поразивший меня-второклассника. Оказывается, это Евгений Ананьевич сфотографировал хвост немецкого самолёта, торчавший из оконного проёма на верхнем этаже жилого дома. В Будапеште, в городе, который нашим войскам тоже довелось брать штурмом.

Глазами Халдея видим моменты «Суда народов» в Нюрнберге, встречу четырёх командующих войсками союзников в Берлине, первого советского коменданта Берлина генерал-полковника Берзарина. «Большую тройку» – У. Черчилля, Г. Трумэна, И. В. Сталина – в Потсдаме. И конечно же, Парад Победы, маршала Жукова на белом коне. Плюс последний прижизненный снимок маршала, пережившего две опалы – со стороны И. Сталина и Н. Хрущёва. В подписи под снимком автор счёл нужным заметить: *«Он никогда меня не видел, а я его видел всегда. Об этом и сказал Григорию Константиновичу, когда мы встретились незадолго до его кончины. «Ну что ж – сказал Г. К. Жуков, – у вас работа такая. Всё правильно».*

Остаётся добавить, что издательство в Мурманске состояло всего из нескольких сотрудников. Издательской базы фактически никакой, выручали Петрозаводск и другие города. А место издания – застолблено на обложке, на первой странице титула – Мурманское областное издательство. Мы, которые остальные, понимали: это рабочий псевдоним АБТ – Александра Борисовича Тимофеева.

В заключение, позволю себе вновь вернуться к книге Александра Городницкого, к его рассказу о знакомстве с редактором Мурманского книжного издательства Александром Тимофеевым, состоявшееся в 1967 году. *«...Он предложил мне дать в издательство книгу стихов. Как раз незадолго до этого в Ленинграде вышел мой первый сборник «Атланты». Предложение это было для меня неожиданной удачей. «Нам давай, всё, что хочешь – сказал мне Саша. – У нас всё пройдёт». ...Рукопись же, вопреки легкомысленным посулам Саши Тимофеева, пошла в Москву, в Госкомиздат, где попала к штатному рецензенту, некоему Толмачёву, написавшему зубодробительную разгромную рецензию, более напоминающую донос. После чего издательство мне возвратило рукопись, а Тимофееву крепко досталось.*

... Несколько лет назад мне в руки попали копии «Справки о работе Мурманского книжного издательства», представленной Мурманским обкомом КПСС... Досталось в Справке и моим морским песням – «Моряк, покрепче вяжи узлы» и «Не ревнуй меня к девке зелёной». Последняя была обвинена в «махровой пошлости». Судя по Справке, моя отклонённая рукопись попала в неплохую компанию: «Издательство вынуждено было отклонить четыре рукописи по идейным мотивам: две прозаических, и две поэтических. Среди них – повесть Ю. Визбора «На срок службы не влияет» и «Безыдейные стихи» североморца Григория Остера.

... К чести руководителей издательства надо сказать, что они расторгли договора с авторами произведений и вернули им рукописи. Не обошлось без споров и довольно бурных. Рукописи защищал и отстаивал в техплане редактор раздела художественной литературы А. Б. Тимофеев, «не сумевший разобраться в их идейной несамостоятельности».

Бедный, несправимо порядочный и наивный Саша Тимофеев! Представляю, как ему досталось... И как ему трудно дышалось в затхлой обстановке. Это не могло не сказаться на его подорванном здоровье. Саша ушёл из жизни безвременно, в отличие от авторов, приведённых выше доносов».

* * *

ЗОЛОТОЕ ПЕРО «ПОЛЯРКИ»

Закавыченное в заголовке слово на Кольском полуострове имело много значений. Во множественном числе – ласково называли полярные надбавки, набегавшие за пять лет стажа и фактически удваивавшие зарплату. В единственном числе – сокращённое название областной «Полярной правды». Журналистка Л. Г. Павлова многие годы считалась золотым пером этой газеты. По мнению читателей.

То ли потому, что Людмила Георгиевна возглавляла не самый престижный отдел – социальной сферы – то ли ещё почему, но не припомню, чтобы материалы Павловой были отмечены по итогам профессиональных конкурсов. На редакционных летучках – да, большинство её «бак» помечалось красным флажком. А чтобы поставить творчество Павловой в пример остальным? Всегда находились претенденты, застолбившие более значимые темы для «органа обкома партии».

Горжусь, что Люда одарила меня своей дружбой. Царский подарок, во всех смыслах данного понятия. Вырос я в собственных глазах. На мои редкие проникновения на страницы заглавной газеты области обратила внимание журналистка, являющаяся её лучшим пером. Однако некоторая ревность коллектива к человеку, то и дело затмевавшего на полосах остальных, досталась рикошетом и мне.

Мурманские вечера частенько проводил у Люды дома, на втором этаже престижной многоэтажки. Познакомился с Людиной мамой, её дочерью Викой. Ради Вики Люда привела в дом чёрного пуделя. Как-то вызвался вывести его на прогулку. И опростоволосился. Пудель тащил в сторону единственного в переулке палисадника. Только вознамерился поднять заднюю лапу, как появился разгневанный товарищ и потребовал прекратить безобразие и порчу воздуха. Дескать, в городе пернатой живности не осталось, ягоды на рябине всю зиму не тронутыми простояли, так ещё собака на травку поливает.

Взялся было прикрепить к бетонной стене в квартире Люды подставку для телефона. Сверло, коим заменил зубило, раскрошил. Да и как дырку просверлить без электродрели? У себя, в Ковдоре, в панельном доме, кое-как удалось навесить книжные полки, а в Мурманске, да ещё на нижних этажах, строители бетона не пожалели.

Больше пользы хозяевам квартиры принесла моя жена. Экзамены на заочном отделении в мурманском пединституте совпадали с летним отпускным периодом. Жена удачно совмещала заботу о комнатных растениях с экзаменами. Выгуливать чёрного пуделя у неё лучше получалось.

В любом творческом коллективе – театр это или газета – сборы делают лидеры. Довелось в Ленинграде побывать в Большом драматическом театре, тогда ещё не имени, а под руководством Товстоногова. Билет достался на спектакль по Диккенсу.

Действующие лица по очереди появлялись на сцене. Говорили, уходили. Вдруг зал взорвался аплодисментами – из-за кулис показалось лицо очередного эсквайра. Его играл Олег Басилашвили. Хорошо или плохо – не скажу. Заглушали аплодисменты, которые сопровождали каждый жест или реплику артиста. А уж когда он закрутил винтом ногу вокруг костыля, восторг зрительного зала грозил взорвать изнутри многоярусное помещение. И так до конца спектакля.

Путь от литературного сотрудника до заведующей отделом социальной сферы Павлова прошла довольно быстро. В 73-ом, когда я возглавил многотиражку в Ковдоре, её отдел занимал кабинет на втором этаже. Не скажу, когда между нами возникла взаимная симпатия. Думаю, причиной стали мои фельетоны да эпиграммы – отдушина от каждодневной газетчины. Их я регулярно посылал в областную газету.

Скорее всего, это я пристал к ней с восторгами по поводу её очередной «байки» (словцо из того времени) на газетной полосе. Написанные без всяких изысков да вывертов, тем же языком, на котором общаются пассажиры в троллейбусах-автобусах. Заголовки вроде не рассчитаны на фиксацию глазом. А надо же, стоило зацепиться за первый абзац, и ты уже не можешь оторваться от полосы, пока не дочитаешь до заключительного слова полужирным шрифтом: «Л. Павлова». Иногда, с довеском: «наш. корр.» Но никогда с полным именем «Людмила». Или Лаура – если официально, по паспорту. К сему факту мы ещё вернёмся, а пока запомним, что Людмила – не столько псевдоним, сколько защита от вопросов да запросов.

В отличие от большинства знакомых журналистов, Люда никогда не говорила, что мечтает о времени, когда появится возможность сесть и спокойно нанести на бумагу что-нибудь этакое. Роман или повесть. Свои обязанности газетчика Люда считала если не профессиональным долгом, то уж точно важным занятием. Требующим приложения всех сегодняшних сил. И завтрашних прихватить, сколько получится. Очерки её размером от 250 до 400 строк – меньше и, намного, газетной полосы – стали тем паровозом, который довёл тираж областной газеты почти до 200 тыс. экземпляров. При количестве жителей около миллиона.

Иные коллеги Павловой постоянно строчили для областного издательства брошюры, описывающие «в стихах и красках» очередные шаги саженьи Мурманского обкома. Люда ни на какие подработки в издательстве не соглашалась, хотя уж я-то знаю, как ей туго жилось от зарплаты до зарплаты. Вышло наоборот. Из областного издательства предложили ей собрать очерки под одной обложкой. Одни она перенесла прямо с газетной полосы, в другие добавила читательскую почту. После каждого выступления Люды письма захлёстывали «Полярку». К иным из очерков Люда дописала концовки уже в работе над книгой, озаглавленной ни на что не претендующим словом «Встречи».

Первый блин явно не вышел комом. Всё равно оказался последним. Как в любом творческом коллективе – а к редакции газеты сие относится напрямую – успех коллеги не всегда поднимает настроение окружающим.

О книге Л. Павловой узнал на расстоянии. Вернулся в родной Киев, снова попал в атмосферу нехватки кислорода. Не в прямом, в переносном смысле. В смысле работы. Что ещё хуже. Вдруг приходит бандеролька, а в ней книжка Люды и письмо. За десятилетия работы в газете Люда так и не освоила пишущую машинку. Не дошли у неё руки и до компьютера. Писала по-старинке. Разве что не гусиным пером, а авторучкой: *«Высылаю книжечку, порадуйся за меня. Расходится она отлично и хвалят, начиная, к моему удивлению, от А. Б. Тимофеева и до обкома. Во как сумела всем угодить. К добру ли?»*

Постоянные клиенты, видимо, подсуетились. Никто Павловой больше из издательства не звонил, разве что подавал голос Саша Тимофеев. Но редактировать брошюры – не его парафия.

Попутно замечу, технология писания при помощи авторучки позволяла выдавать более качественный продукт. Автор, как минимум три раза пробегал свои творения глазами. Свой почерк всегда жалко чёркать, а после машинистки страницы становились как бы чужими. Третий этап – вёрстка газеты. Опять другой шрифт, и значит, возможность посмотреть на своё творение, как бы со стороны. Издание книги в силу вмешательства наборщиков-линотипистов и корректоров давало ещё пару возможностей для шлифовки текста.

Автор песни о пыльных тропинка далёких планет, на которых «останутся наши следы» и других не менее популярных хитов и, главное, увлекательных сатирических произведений, начиная с жизнеописания солдата Ивана Чонкина, спустя годы перестал считаться диссидентом. В начале XXI века стал колумнистом популярных «Известий». Свою регулярную колонку отстукивал на компьютере, не сходя с места передавал в редакцию. Одно время я коллекционировал газеты с его именем. Потом перестал. Повести и рассказы Войновича, как вышедшие из печати до эмиграции, так и после возвращения из неё, с любого места хотелось читать вслух. Слова и абзацы тщательно подогнаны и скомпонованы. Ни одного лишнего звука, знаки препинания исключительно уместны.

В известинской колонке почерк мастера просматривался. Но текст гладкий, как телеграфный столб. Без подъёмов и движений в сторону... А через абзац или два – провал. Банальности, а то и корявость.

Людину книгу почти сорок лет тому назад честно пролистал. Помнил героев её размышлений по газетной полосе. А недавно потянулся к тоненькой, о ста страницах, книжице и не мог оторваться. Рука то и дело тянулась подчеркнуть слова, фразы, целые абзацы, поставить на полях восклицательные знаки.

Нет, недаром читатели аккуратно складывали в заветную папочку материалы Люды. Жаль, порой не все подписчики обращали внимание на материалы социальной сферы. Иначе зёрна сострадания обязательно проросли бы в уроженце Апатитов, что десятки лет не сходит с экранов телевизора. В самое популярное вечернее время. Засучив рукава, он копается в грязном белье гостей, ловя кайф от вида и запаха скабрёзностей. Не стесняется самому себе передавать приветы. Это о нём, или о таких, как он, в Одессе говорят: «человек с приветом». Сижу и думаю: то ли сей моралист в свои школьные годы за Полярным кругом ещё не умел читать, то ли родители его не посчитали отзывчивость и духовность важным багажом для своего дитяти?

Хотя, хотя... В семье при одном-двух наследниках совсем другие заботы, чем в домах, где каждый сантиметр занят кроватями и столами, где готовят уроки по очереди. Где, цитирую первый же очерк Людиной книги: ***«Эта семья покупает ежедневно на рубль хлеба, килограмм сахара, пять килограммов картофеля, пачку чая, прочее – соответственно».*** Можно не в килограммах и пачках, а в затратах труда. Такая ***«ноша действительно не всем по плечу. Одни только объёмы домашней работы... Стирка – как в прачечной, обед – в огромных кастрюлях, уборка – на многих квадратных метрах».***

Все мы упирались в длиннейшие очереди, в отсутствие возможности приобрести необходимое. Отсюда в конце материала: ***«... нужно, чтобы в магазине для Перцовых было преимущественное право покупки продуктов, такое, какое дано ветеранам...».*** Можете, как говорится, смеяться, но просьбу, изложенную на страницах газеты иные чиновники воспринимали чем-то вроде персонального указания. Не часто, но Люда

эксплуатировала их веру. В данном конкретном случае эффект в виде повышенного внимания к многодетной семье проявился.

Чаще чиновники намёков не понимали. Однако Людмила Георгиевна хорошо знала, с кем имела дело. В конце мини-очерка из книги автор изложила события, что не попали на полосу. *«В тугой узел завязала свою судьбу и судьбу своего ребёнка Саркисова (Павлова предупредила: в большинстве случаев фамилии действующих лиц изменены). Хорошо, что удалось его распутать. Но чего это стоило...».*

«На заводе, где он работает, перестали с ним здороваться. Подчинённые написали на имя директора заявление о том, что не желают работать под руководством этого человека».

«... тайну не стараются оберегать ни люди в исполкоме, оформляющие документы, ни врачи, ни даже служащие ЗАГСа ... Ежегодно только из мурманского Дома ребёнка забирают десятки детишек, а ещё из роддомов, из детских домов, больниц... Их много, но если бы речь шла об одной судьбе, одной единственной... У каждого из нас только одна судьба».

«Множество писем с преклонением перед Ольгой, с предложением помощи... Предприятие выделило Ольге трёхкомнатную квартиру...».

Любую тайну, а уж тайну усыновления – желательно охранять от холодного прикосновения чужих рук и ядовитой слюны чужого языка. Об этом, собственно, одна из приведённых выше цитат из газетного очерка Павловой. Спустя годы и годы, думаю, можно раскрыть личный секрет автора очерков. За несколько лет до отъезда на постоянное жительство «на юга» Люда удочерила маленькую девочку.

Павловой не судилось стать матерью. Женой тоже. Не каверзы судьбы или завышенные требования. Издержки, если хотите, профессии. Видимо, журналистика и теоретическая физика – одного поля ягоды. Нобелевский лауреат Л. Д. Ландау считал, что женщина в виду домашних обязанностей, не может целиком и полностью отдаться служению теоретической физике. А без такой отдачи, результатов в науке не добьёшься. Когда из-под пера выходят не безликие информухи да бесстрастные заметки, а что-то посерьёзнее – без полной выкладки вряд ли что-то путное создашь. Журналистов – многодетных отцов – навалом, а женщины, чьи материалы были заметны на газетной полосе, довольствуются одним ребёнком. В лучшем случае. Счастье в личной жизни, вместе с остальными составляющими, обходит их стороной.

Люда из тех женщин, на кого мужчины невольно оглядываются на улице. Верьте слову. Не сложилось. Всю нерастраченную любовь она отдала приёмной дочери. Постоянно тревожась, что над девочкой висит алкогольное проклятие её биологических родителей. Ребёнку трудно давалась школа, долго, очень долго, училась правильно выговаривать звуки. Люда добилась своего, воспитала и поставила на ноги хорошего человека.

Людмила Георгиевна по праву могла отнести себя к поколению людей, которые хорошо знали, каков на вкус хлеб из лебеды и как передвигаться в лаптях на деревянных подошвах-стукалках. Радость – это когда хлеба вволю и родителями куплен резиновый мячик взамен тряпичного. Как вы догадались, сослался на вкрапления в очерки Павловой.

Родилась она под Одессой. В городке немецких колонистов времён Екатерины II. Семья – самая по тем временам интернациональная. Отец – немец, мать – еврейка. Представляете, какое будущее разверзлось перед девочкой и её братьями на второй день после начала войны?

Хорошо помню, как нас с мамой, бабушкой и бабушкой эвакуировали 10 августа 1941-го из Киева на пароходе в сторону Днепропетровска. Вместе с семьями остальных командиров Днепровской (Пинской) флотилии. А каково было бежать от войны маме Люды с тремя детьми на руках?

Не спрашивал Люду, когда и как они покинули Одессу? Где пережили тяжелейшее время. Не знаю, что стало с отцом. Немцев из приволжских поселений глубокой осенью 41-отправили в Среднюю Азию. В отличие от крымских татар или чеченцев, им, укоренившимся, прожившим на Волге, под Днепропетровском или Одессой две сотни и больше лет, не позволили на обжитые места вернуться. Правда, город, переименованный в честь Энгельса, оставили на карте.

В середине пятидесятых я проходил практику от техникума на шахтах Подмосковья. Там в большинстве работали немцы Поволжья, должности выше десятника им не доверяли. Да что говорить, в конце восьмидесятых на южном побережье Белого моря, в Терском районе, появился председатель колхоза, сильно смахивающий на всадников армии Чингиз-хана. Матерью его была потомственная казашка, отсюда и любовь к лошадям. Но фамилия у этого сына степей была немецкая – Рейзвих. Отец – из бывших немецких колонистов, выселенных в казахстанские степи...

Выжить в эвакуации удалось. А как дальше? Городок, где мама Люды и её отец полюбили друг друга и были счастливы, после войны сменил название. Возвращаться в родные места было небезопасно. Что стало с отцом, каюсь, у Люды не спросил. Мог бы разговорить её маму. Но тоже не решился. Въелись в плоть и в кровь взаимоотношения тех лет. Если человек сам не рассказывает, не раскрывается – нечего лезть в душу с провокационными вопросами.

Мама с детьми перебралась в Вильнюс, в Прибалтику. Сошлюсь на свои детские наблюдения. Отца в 47 году перевели служить в Ригу. Пусть не открытый город, но тоже овеянный послаблениями для переселенцев. В школе классным руководителем оказалась выпускница дореволюционной гимназии человек, не шибко скрывавший своего скептического отношения к советской власти. А старшей пионервожатой была симпатичная блондинка с белой партизанской медалью на груди. В лесах под Псковом отличилась.

Перебраться на запад семье Павловых удалось не сразу. Люда успела поработать на Алтайском вагоностроительном заводе. Уже, как специалист, устроилась багажным весовщиком на станцию Вильнюс. Несколько лет поработала старшей пионервожатой в школах Вильнюса.

Проезжал я пару раз столицу советской Литвы и могу засвидетельствовать: в отличие, скажем, от Каунаса – очень польский город, чуть ли не дубликат Львова. Или наоборот. Поляков после войны выселили. Отсюда и возможность для приезжих прописаться.

Параллельно с работой Люда училась на вечернем отделении историко-филологического факультета Вильнюсского госуниверситета. Окончила в 1963 году. Значит, училась минимум шесть лет. То есть семья переехала из эвакуации в середине пятидесятых годов.

Братья вместе с мамой остались в Вильнюсе. После окончания университета Люда избрала для себя газетную стезю, но место нашлось лишь в соседней Латвийской ССР, в газете «Советская Латвия». Проработала около двух лет и в начале 1967 года перебралась в Мурманск.

Накануне августовских дней 1991 года мы с женой и с сыном нанесли Люде визит. Прилетели в Вильнюс, переночевали на квартире её брата. Видимо, эта квартира и стала пристанищем для семьи Павловых после возвращения из эвакуации. Чуть получше домов на моём родном киевском Подоле. Потемневшие от времени стены явно

указывали на то, что с приезжими делились не лучшим жилфондом.

Буквально в нескольких кварталах поразила гигантская скульптура польского поэта Адама Мицкевича. Памятник помпезный, явно не по росту городу, который уступал Риге по площади да этажности. В аэропорту, на улицах полно мужчин в штатском с трёхцветными нарукавными повязками. На центральной улице, неподалёку от окружённого колоннами административного здания, огромный транспарант с красными буквами на белом фоне: «Иван, домой!».

Увиденное и услышанное настроения не поднимало. Но поездка на автобусе до Лиепайи, ухоженные поля за окном, пейзажи с тракторами и комбайнами сгладили мрачноватые мысли. Несколько остановок на центральных площадях городов и городков. На въезде и выезде, и не хочешь, а обратишь внимание на целые улицы двух, и трёхэтажных коттеджей. В наших краях подобные поселения появились спустя годы, в период буйного расцвета новых русских, новых украинцев, новых белорусов...

Наверное, мы первые и последние мурманские знакомые, что посетили Люду с дочкой на её лиепайской квартире. На окраине, в военном городке. Видимо, представитель служивого племени сверхсрочников имел доступ к секретной информации. За несколько лет до распада страны он с радостью поменял лиепальскую жилплощадь на мурманскую. А вот добрая советчица населения самого большого полуострова на карте страны в житейских вопросах явилась отнюдь не образцом для подражания. С климатом, да с географической близостью к братьям родным выиграла, но во многом и просчиталась.

Мечта о переезде в здоровый климат да поближе к братьям осуществилась. Писала письма одно радужнее другого: *«...я здесь моложе себя мурманской. Хотя, к сожалению, не внешне. Если кирпич на голову не свалится и не убьют в межнациональной свалке, лет 5–6 жизни я заработала»*. Мелькали и грустные размышления: *«Я человек скромный, сам знаешь, но отлично понимала, что в «Полярке» я не последний винтик. Тем горше сознание, что всё кончилось навсегда. Мне до себя вчерашней не дотянуться. Не потому, что скажем, устала, устарела. Я ещё многое могу. Но это, увы, никому не нужно»*.

Надо признать, до «вчерашней Павловой» времён её расцвета областной газете Мурманской области не дотянуться большинству коллег. Спустя почти полвека, перечитывая Людины «Встречи», захотел поддержать на языке фразы и целые абзацы.

«Материнское сердце... На шестеро чужих детей хватило его одного».

«Посмотрите, как одна ложь тянет за собой другую. Как первая же ошибка порождает целую цепь последствий».

«Вероятно, это самое трудное: оставаться на вершине собственной судьбы, быть верным самому себе, тому лучшему, что в тебе есть. Но если так легко перейти к спуску, лучше и не подниматься вовсе? Особенно, если поднимаешься не один, если ведёшь за собой тех, кто тебе поверил».

«... Не слишком ли часто «входим в положение», находим оправдания, просто прощаем, потому, что «слаб человек», что «любовь зла» или человек «свой», знакомый и изученный, мы знаем, чего от него ждать, ну и ладно. Не разучились ли мы не подавать руку подлецу?».

«Разговаривать с ней – мука мученическая.словно глухая стена разделяет: не достучаться, не докричаться».

«Я не сразу поняла причину такой откровенности. Теперь, кажется, разобралась. Дело в том, что ему вовсе не стыдно. Он считает, что «мне было удобно» – это аргумент. Он полагает, что, если сумел устроиться на чужой счёт, так это что-то вроде доблести». Прерву цитирование, чтобы привести заключительную часть

очерка: *«Материал уже был написан, когда Николай пришёл в редакцию. Я предложила ему прочитать.»*

– А что такое долг? – спросил он. – Я им ничего не должен. Я же алименты платить не отказываюсь».

– Ну вот – скажет читатель с высшим телевизионным образованием. – Нынче каждый ведущий очередного шоу считает своей обязанностью покопаться в грязном белье собеседника. «Звёзды» и прочие публичные люди покорно разоблачаются. Хоть до трусов, хоть ниже. Дабы привлечь к своей особе дополнительное внимание публики и сорвать на сём дивиденды в виде разгоревшегося интереса.

Дистанция между Людмилой Павловой и её телепоследователями и телепоследовательницами – огромного размера. Людмила Георгиевна вникала, вскрывала язвы, о которых не принято судачить. Помогала конкретным людям – вслед за ними и читателям – стать чище, доброжелательней. Освободиться от скверны или предостеречь от попадания в неё.

Специфика Мурманска. Его жители составляли добрую половину всех читателей области. Город моряков, отцов семейств, отчасти и матерей, которые редкие гости в семейном кругу. Дети зачастую лишены повседневной опеки родителей. Почти к каждой из Людиных историй можно прикрепить в качестве эпиграфа абзац из очерка *«Когда отец – гость»: «Такая история. И простая вроде бы и сложная. «Узелки» в ней распутать – не великое искусство, только распутываются они при наличии доброй воли. При условии, что мужчина вспомнит об очевидном обстоятельстве: он мужчина и есть».*

Провалом в воспитании детей, лишённых постоянной родительской заботы, посвящены два очерка – «Пять вечеров в одном дворе» и «Девочка из хорошей семьи». Разочарую догадливых читателей. Не получится посмаковать подробности из жизни несовершеннолетних насильников и скабрёзности о девушке, которая «пошла по рукам».

Картины, одна другой омерзительней. Нарисованы, что называется, с натуры. Однако даже ни одного намёка на действия, столь обильно эксплуатируемые в порнографических роликах. Оттого, что читатель вынужден сам догадаться о гнусностях – его пробирает ещё большее презрение.

Автор позволил себе вроде риторичные вопросы в адрес жертв юных насильников: *«Неужели ради чести не стоит рискнуть не только часами, но и, чёрт побери, даже жизнью? Неужели?».* Не ради красного словца, отнюдь. В преступлениях группы насильников *«были подследственные и не было потерпевших. Только три ограбленные женщины обратились в милицию, остальных пришлось искать...».*

О героине в кавычках следующего очерка – такая информация: *«За последние полтора года Вера дважды находилась в кожно-венерическом диспансере».* Отец Веры отказался признать внуком незаконнорожденного ребёнка. Автор не удержалась от замечания: *«Любящий, заботливый отец дал своей дочери урок душевной подлости...».* Но Павлова не была бы Павловой, когда бы и здесь не подвела читателя к необходимости размышлять: *«Если в этой истории нет правых, то нет и таких, кого не пожалеешь... В сущности, для счастья женщине нужен не хоровод поклонников, а один-единственный, на всю жизнь».*

Большая часть очерков Павловой, помещённых под одной обложкой, посвящены людям труда. Нет, не тем героям, которым полагались ордена, квартиры плюс отоваривание дефицитом.

Люда искала и находила героев, на первый и второй взгляды никаких подвигов не совершивших. Ежедневно и ежечасно исполнявших будничную работу, каковую

разделение труда по умолчанию взвалило на женщину. Вынужденно впрягавшихся в воз, от которого на застрахуешься. Люда пишет: *«Не ужились двое под одной крышей, семью не сложили. Можно даже предположить, что виноваты в этом оба. Но дальше, что дальше? Дальше матери не спать у постели больного ребёнка, готовить еду, шить, убирать и ещё отвечать на вопросы, на самый трудный: «Почему папа не с нами?». Дальше получать четверть зарплаты отца и на эти деньги, да ещё самой работать, жить, покупать одежду, мебель, съездить в отпуск. Дальше – учить читать, держать в руках напильник, переживать за каждую школьную двойку...»*.

Павлова находила и ставила на пьедестал женщин, взваливших на себя дополнительную обузу. И уж точно заслуживающих уважения. И, если хотите, почёта.

Ольга, уроженка села Чапомы, что на дальнем берегу Белого моря, куда летом добраться можно разве на пароходе, в остальное время – исключительно по воздуху, в свои девятнадцать лет стала надёжной и опорой десяти своих младших братьев и сестёр, ползунка-племянника. Работала в Мурманске, на рыбокомбинате, с утра до вечера разрезала громадные рыбины, жила в общежитии.

Ольга воспротивилась передаче младшеньких в Детский дом, перевезла их к себе. *«То-то радости было коменданту общежития! Когда в Олину комнату на девятом этаже вселилось целое семейство... Спали по трое на двух койках, остальные на полу»*. На руках девятнадцатилетней девчонки оказалось шесть малышей мал мала меньше. На рыбокомбинате Ольге без очереди выделили трёхкомнатную квартиру. Под конец очерка автор позволила себе лишь небольшую ремарку: *«Вырастить шестерых трудолюбивых детей – разве этого мало?»*.

Другая история. По внешним признакам, но не по героизму действующего лица, нянечки роддома по имени Катя. Из хирургии в палату, находившийся на попечении Кати, привезли Максима. Мальчик родился жестоко изувеченным и потому был оставлен родителями в роддоме.

Судьба Екатерины катилась к закату. Она вырастила, выучила и женила сына, вторично вышла замуж, дождалась внука. И ... прикипела душой к Максиму. Сын не понял, сын стал укорять мать. Она отвечала: *«У Женечки – есть папа с мамой, а у Максима я одна»*.

Каждую свободную минуту Катя навещала палату Максима. Маленьких кормила из рожка, старших по очереди брала на колени и кормила супом, вторым и компотом. Из отпуска возвращалась с чемоданом лекарственных трав. Потом стала возить с собой в отпуск Максима. Бралась за любую подработку, копила отгулы и деньги к отпуску.

Мурманские врачи, в конце концов, отказали в помощи. Сделали, что могли. Катя повезла Максима в Ленинград. В палате, где лежал её мальчик, конечно же, помогала остальным больным. Максиму сделали операцию по пересадке пальцев и теперь кисти у него такие же, как у всех детей. Первое слово, какое сказал Максим Кате было «ма-ма». Приехал сын, тридцатилетний Алёша. И сказал удивительные слова:

– Ты молодец, мать. Выглядишь отлично, бегаешь, как девочка, счастливая – сразу видно... Ты для будущего работаешь, ты просто много работаешь, потому молодая и счастливая. Спасибо Максиму».

... На новом месте, в краях, двадцать лет ассоциировавшихся со словом «отпуск», Люде пришлось с нуля осваиваться и вживаться. Чтобы не пересказывать, у меня всё равно суше и хуже получится, позволю себе процитировать письма. *«Обратилась было в прежнюю газету, в русскоязычную «Советскую Латвию». Опять же должность собкора по Лиенае была вакантна. Здесь создана русская община. Первое, что сделали, стали мерять носы и просчитывать спектр крови. Чёртов филиал*

«Памяти». ... На всех углах я кричу, что еврейка – назло гадам. Да меня, впрочем, давно вычислили по псевдониму М. Бершадская, по маминной фамилии».

Уловка не помогла Люде. В Латвии хватало и своих, национально озабоченных, кадров. Гроссмейстера и экс. чемпиона мира Михаила Таля похоронили на еврейском кладбище. Чтобы и после смерти не смешивался с коренным населением! Имя Талья прославило небольшую советскую республику, было, если хотите, синонимом успеха латышей. Может быть, и умолчал об этом факте, но хорошо помню Ригу 47–48 годов и нашу квартиру на самой окраине города. С одной стороны, православное и лютеранское кладбища, с другой – пересыльная тюрьма и остатки еврейского кладбища. Разбитого и осквернённого при фашистах. Превращённого в сквер уже в советские времена... Однако вернусь к письмам Люды.

«Мне хорошо. Сама шью, и Вике хорошо – сама шьёт. Но то и дело хлопаю себя по башке: чего, дура, не купила раньше? Не купила двух пар сапог вместо одной, и всего-то за 250 рублей, а купила одну. Теперь она одна стоит столько же, но с добавлением нуля...».

«Вышел, наконец, мой сельхоздебют. Но умелой правкой дебют сведён к одному типу... Идеал здешнего редактора – шашлык, факты, напиханные на палочку. Редактор понимает только положительный, розовый материал. И отрицательный – чёрный. Середины не дано... Я не в панике, я в миноре. Хотят платить за безделье – пусть платят. Но мне себя жалко. Ожидать же, что контора изменится – быть чересчур оптимистом».

«Кажется (тьфу-тьфу!) я нашла некоторую возможность подработать у миллионера. Пишу ему книжку. Исповедь нувориша. Сложность в том, что он вечно занят и мне не очень симпатичен. Перетерплю. В том числе его отношение. Господи, как они себе нравятся!».

Те два дня, что мы с женой и сыном провели у Люды с Викой в Лиепаве, до сих пор воспринимаю, как пир души. Случился он воистину накануне чумы.

Ещё провели пару суток в Елгаве, гостили у редактора местной газеты, с кем судьба сводила на месячных курсах в Ленинградской Высшей партийной школе. Это от его жены, дочери латышки и советского лётчика, я впервые услышал, что по рождению и месту жительства – я оккупант. Это ейный муж сманил меня как-то съездить с ним на выходной из Ленинграда в Елгаву. В кассах билетов не было, он пошёл к начальнику поезда, и мы в СВ, в мягком вагоне, доехали по бесплацикартной цене...

Этот же редактор показал мне пачку долларов, полученных в США за лекции о ситуации в Латвии. Насколько в курсе, парень в своём кресле не усидел. Кажется, и семейная жизнь с озабоченной дочерью чистокровной латышки пошла под откос. Всё же, он стал полноправным гражданином свободной Латвии. В отличие от Люды Павловой, которая умерла с паспортом второго сорта на руках.

Елгава в советские времена выпускала знаменитые микроавтобусы «РАФик». Позвал меня елгавский редактор не просто в гости – на пресс-конференцию избранного стараниями «Комсомольской правды» директором автозавода Боссартом. Встреча происходила в рижской телестудии, на острове, посредине Даугавы. Журналисты атаковали Боссарта, в зале из публики я один. От скуки пересчитал светильники на потолке, их оказалось 49 штук.

Новый директор завода сыпал цифрами и фактами, доказывал, что кооперация с американским «Крайслером» заводу крайне необходима. Следует поторопиться, иначе китайцы перехватят богатенького и технически подкованного спонсора. В ответ – чуть ли не хоровое ржание господ местных журналистов. Дескать, азиатский Китай прётся в конкуренты европейской Латвии!

Нынешних мощностей завода с лихвой хватает. Требуется в год от силы две, ну три тысячи автомобилей. Остальные – куда, на экспорт? Из-за этих покупателей из России и остальных республик Союза жизни нет. Приезжают заранее, ждут очереди на покупку, загружают до треска в рессорах продукты и промтовары, каковых коренным жителям республики не хватает. Интересно бы сейчас пообщаться с теми прогрессивными во всех отношениях журналистами.

В самолёте Рига-Мурманск мы с женой всё возвращались и возвращались к солнечным часам, проведённым вместе с Людой и Викторией на берегу ласкового Балтийского моря в Лиепае. В отличие от Рижского залива, там можно купаться чуть ли не у берега, не надо телепаться полчаса в поисках глубины.

Люде трудно взбираться на четвёртый этаж без лифта. На каждой площадке переводила дух. Нарочито весёлым голосом что-то такое придумывала, дабы мы не ждали и бежали в квартиру накрывать на стол. Трудно было не замечать её хитростей. Новые её коллеги обходились без сантиментов. Вот и елгавский редактор твердил, что Люда больна, что у неё диабет и что ходить ей тяжело. Странно, никто из её наблюдательных новых знакомых даже не заикнулся о том, что Люда умеет писать, что от её материалов не оторвёшься.

За год до отъезда в Лиепаю, Люда с Викторией нанесли нам визит в Умбу, где я редактировал районную газету. Дефицит крепчал. В местном Рыбкоопе мне всё реже и реже продавали банки с китайской свиной тушёной – кусок мяса величиной с кулак, плавающий в белоснежном смальце! Давно не обращался, а тут пересилил себя. Признался, что не для себя прошу, а для Павловой, из «Полярной правды». Директриса магазина переспросила для кого и попросила пять минут подождать. Вынесла громадную, килограмма на два или три, банку югославской буженины. О таком деликатесе слышал, но увидел впервые.

Довезли мы воспоминания о солнечной Лиепае до Ковдора, где тогда жили, и где с выходом на пенсию я готовился к переходу на работу в «Полярку» – собкором по югу области. Люда одобрила моё намерение. Оба пожалели – здорово было бы поработать рука об руку, да что поделаешь, не судьба. Утром разбудил непривычный и надоедливый зуд вертолёта. Кружил и кружил над городком, чуть ли не задевая крыш. По телеку – никаких новостей. Сплошное «Лебединое озеро».

В поездках ещё не требовались визы, почта ходила регулярно. Но хорошие новости испарились. Поводов для привычных разговоров не стало. А обмениваться информацией о трудностях выживания? Что толку? Тебе посочувствуют, но сделать и предпринять что-либо всё равно не смогут. Месяц за месяцем скукоживалась переписка.

Люда успела поделиться радостью, что Вика освоила профессию парикмахера, что у неё появились свои клиенты, что их число растёт. Она вышла замуж, родила Люде двух внучат – мальчика и девочку. Это уже Вика мне ответила по телефону на тревожные письма и звонки, когда переписка с Людой резко оборвалась. Дочь сказала, что недавно похоронила маму...

«Лучшее перо «Полярной правды», Людмила Георгиевна Павлова, не могла предвидеть, как повернётся жизнь. Иные из её размышлений, собранных под одной обложкой маленькой книжечки, мне представляются сейчас взглядом в далёкое будущее. Не верите? Вчитайтесь в строки одного из её очерков: *«...в погоне за вещами и за тряпками растрачиваются силы, которые нужно отдать семье, ребёнку, уходит то время, в которое можно было бы общаться с ним, учить его и учиться самим... эта бесплодная и бесконечная (тряпичнику всего и всегда мало) погоня опустошает душу, человек разучивается радоваться всему, кроме обнови, становится злым и завистливым, потому что всегда найдётся кто-то с более*

высоким материальным и «доставальным» уровнем, становится чёрствым, пустым и ... одиноким, ибо окружает себя уже не друзьями, а «нужными людьми».

* * *

ПОДВИГ РЕДАКТОРА РАЙОНКИ

Во времена оно, когда газеты регулярно выходили, они различались не столько по названиям, сколько по именам редакторов. Как театры – по ведущим режиссёрам. Почти двадцать лет я раскрывал одну из старейших местных газет Мурманской области – газету Ефима Федотовича Разина. Каждый номер её хоть чем-то отличался от предыдущего – заголовками, вёрсткой, критической заметкой.

Докладам с различного рода мероприятий редактор отводил от силы одну-две полосы, вычёркивал словесную шелуху и цитаты. Разбивал текст на главки-полуглавки, чтобы легче читалось. Мог бы вообще всю воду отжать, да опасался, что ему запретят вмешиваться в текст.

Кандалакша – самый юг полуострова. Черёмуха на её улицах расцветает на неделю раньше, чем в остальных городах и «пригородных зонах», снег ложится на неделю позднее. Зима длится не восемь месяцев в году, а семь с половиной. Потому полярных надбавок на 30 процентов меньше, чем у соседей. Отпуска чуток короче.

У Разина – одна запись в «Трудовой книжке», одно место работы. Начинать корректором, стал литсотрудником, ответственным секретарём и, до пенсии, редактором. Высшее журналистское образование получил в Ленинградском университете. Заочно. Учебные отпуска не брал – укладывался в профсоюзные. И то сказать, спуститься на тысячу километров вниз по меридиану для северянина – уже кайф и наслаждение.

Газетчики области любили ездить в Мурманск на семинары-совещания. Не ради докладов да наставлений. Чтобы после того пообщаться. Обычно в номере гостиницы у Разина. Не всухую, хотя и такое случалось. Трёп с проверкой твоего мнения на профессионалах, с надеждой на резюме Федотыча – стал для многих из нас замечательной школой. Для членов президиума совещаний – тоже. Недаром у Разина всегда оказывался наиболее вместительный номер.

В постперестроечные времена в Кандалакше выходило несколько газет. В них работали ученики и ученики учеников Е. Ф. Разина. Насколько могу судить, «инкубатор имени Е. Ф. Разина» поставлял также кадры для областных и выше изданий. Учить Федотыч умел. Требовал развивать наблюдательность и любопытство. Одно из первых его наставлений звучало приблизительно так:

– Идёшь ты по улице, а на заборе что-то написано. Не отворачивайся и не кривись. Подойти и загляни – вдруг поименованный предмет там лежит?

Если же всерьёз, Разин больше учил своим отношением к делу. По количеству, да и по качеству строк в своём редакционном хоре он был запевалой. Двумя указательными пальцами вышибал из машинки по 5, 6 и 8 тысяч строк в месяц. 16 набитых по завязку полос! Так что нечего удивляться феномену, почему все его молодые сотрудники умудрились закончить без отрыва от газеты высшие учебные заведения.

... Знаю, знаю, вокруг Кандалакши простирается не район, а пригородная зона. И что газета, в которой Ефим Федотович Разин проработал свыше сорока лет, из них двадцать лет – возглавлял её, считалась городской. Но штат имела точно такой же, как газеты остальных райцентров России.

Можно ещё сказать, как в райцентрах всего Советского Союза, однако это было бы не совсем точно. Печатным изданиям в союзных республиках полагалась дополнительная ставка – литературного редактора. Последнему вменялось в обязанность следить за чистотой языка коренного народа. Помогать товарищам на местах овладевать «рідною мовою». Это к вопросу о том, были ли во времена «советской империи» в загоне национальные особенности.

Нет, не случайно всплыло в памяти штатное расписание районных газет в РСФСР и в остальных республиках бывшего Союза. Хотя, в книге Ефима Разина «...*И не только о Саласпилсе*» о газете и её заботах – почти ни слова. Книга рассказывает об одном из лагерей смерти, устроенном фашистами на захваченной территории СССР. Лагерь находился под Ригой. Щемящие эпизоды страшных дней и ночей помимо воли автор накладывает на сегодняшние реалии. Оскорбления в адрес невольников, на которые так щедры были полиция и охранники, в наши дни звучали образцами государственного языка в иных независимых странах. Тех самых, кого представительница Серебряного века русской поэзии Зинаида Гиппиус называла «Прибалтийскими пуговицами».

Книга Разина читается, как захватывающий роман. Нет, автор не сражается подобно героям «Трёх мушкетёров» с гвардейцами кардинала, не гоняется вместе с Остапом Бендером и его подельниками за сокровищами мадам Петуховой. А читатель всё равно нетерпеливо ждёт, что же там, на следующей странице?

Материал о Саласпилсе никак не ложился на страницы газеты, редактируемой Разиным. Не касался Кандалакши и окрестностей. Тем больше уважения к человеку, который несколько десятилетий жизни, вернее отпусков и редких, свободных от газеты, выходных дней, посвятил сбору и обработке информации об узниках лагеря смерти. Потому, настаиваю, книгу можно и нужно считать подвигом Разина.

В начале июня 1941 года, мама, учительница, вывезла 13-летнего Ефима и 15-летнего старшего брата Пашу из Кандалакши на каникулы, поближе к солнцу, в Псковскую область. Отдых закончился, не начавшись. Псков захватили рвавшиеся к Ленинграду гитлеровцы. Мыканья по территории, захваченной врагом, привели в тюрьму, в лагерь Саласпилс. Затем – на каторжные работы в Германию, во Францию, опять Германию.

Сведения об издевательствах оккупантов и полицаяв, о порядках в концлагерях, молодому читателю достаточно известны из фильмов и книг. Не спешите. Один лишь эпизод из книги о Саласпилсе. Куражась над людьми, страдавшими от голода, холода и

вшей, в лагере объявили банный день. В кранах – ледяная вода. На выходе взамен одежды выдали старое женское бельё. Это ноу-хау охранников лагеря выкосило бараки наполовину.

Разин всё пытался найти ответ на вопрос: как, благодаря чему люди выжили в немыслимых условиях, сохранили человеческое достоинство? В большинстве изданий прошлых лет, на которых воспитывалось моё и последующие поколения, авторы делали упор на веру в победу Красной армии. Не дремало и подполье, а «партком разрешал самоубийство слабым».

Сутки за сутками Ефим с братом и мамой делили одну крошку на троих. Моральной опорой для подростка Разина стал побег из Саласпилса шести заключённых – псковичей, парней ненамного старше его. Побег, по всему, закончился удачно. Иначе участников его казнили бы на виселице у ворот лагеря. Слух о побеге облетел бараки. После – тишина и никаких телодвижений. Если не считать ужесточения без того жутких условий в этом аду.

Всю свою жизнь журналист Разин пытался восстановить имена шести храбрецов. О них ничего не ведали сотрудники музея в Саласпилсе. Не слышали о подвиге юных псковичей на родине героев.

Ефим Федотович старался установить имена неизвестных шести псковитян. Легко сказать. Труднее представить. Особенно людям, знающим объём обязанностей редактора районной газеты. У редактора ни на что другое, кроме как на материалы для своей газеты, ни сил, ни времени не остаётся. Во-первых, всегдашняя нехватка кадров в районке, да ещё усугублённая северными профсоюзными отпусками. Во-вторых, своих, кандалакшских тем невпроворот – от расцвета Соловецкого монастыря и его филиалов, от Крымской войны, что огнём докатилась до Белого моря. Не говоря уже о Великой Отечественной.

Под армейские даты часто гоняют по телеку киноленту о поединке немецкого аса и советского солдата, чудом спасшегося из разбомблённого этим самым асом судна. Последним патроном солдат перебил бензоподачу в самолёте и тот уткнулся в берег. Эту историю, она документально подтверждена, я впервые прочитал на страницах газеты, которую редактировал Е. Ф. Разин. Потом её подхватили киношники.

О круге забот редактора из Кандалакши знаю не понаслышке. Лет восемь работал на такой же должности сначала в Умбе, потом в Ковдоре. В населённых пунктах справа и слева от города Разина. Если по карте. Много лет редактировал многотиражку Ковдорского ГОКа, в типографию ездил опять же в Кандалакшу, раз в неделю виделся и общался с Разиным. Часами разговаривали по дороге в Мурманск, на семинар или совещание.

Ни разу Ефим Федотович не вспоминал о своей жизни под немцами. Обмолвился как-то, что во Франции побывал. И замолчал. Я не спрашивал. Жизнь на территории, занятой врагом, воспринималась в послевоенных анкетах чем-то вроде измены Родине. Если человек не хочет распространяться, чего лезть в душу?

Как проводят отпуска – проводили, по крайней мере – большинство северян, не секрет. Кто по путёвке, кто как иначе, но обязательно – к югу. Ефим Федотович ни разу, насколько знаю, не воспользовался этим маршрутом. Сначала, пока заочно учился в Ленинградском университете, брал профотпуска для сдачи экзаменов. Потом, в редкие недели отпусков, ездил по дорогам Псковщины и Латвии, по местам своей искорёженной юности.

... Позволю себе ненадолго прерваться и рассказать о хорошем человеке Е. Ф. Разине. Отзывчивом и добром. Ограничусь эпизодом, свидетелем и участником которого

довелось стать.

Разгар Перестройки сопровождался повальным дефицитом и разными запретами. Продуктовые магазины, обычно совмещённые с водочными, стали поголовно закрываться задолго до полуночи. Тотальная борьба с пьянством резко сократила часы работы ресторанов. На ту беду представители Терского района возвращались на райкомовской «Волге» с ответственных посиделок в Мурманске. Выехали поздно, в надежде, если не поужинать, то хотя бы перекусить в Кандалакше.

Не удалось. Всегдашняя выручалка – рабочая столовая в Кандалакшском депо – оказалась закрытой, оба ресторана, на Ниве и в центре города – на замке. К магазинам привешаны амбарные замки. Останавливаемся у телефонной будки, звоню Разину домой. Реакция мгновенная:

– Ребята, нам повезло. Антонина Петровна пришла из очереди с кружком колбасы в авоське. Хлеб имеется. Вы где? Ах, ещё на Ниве? Подъезжайте, успеем термос наполнить...

Сбежал на четвёртый этаж, принёс бутерброды и чай. Даже не подумал предложить хозяину и его жене деньги за обильный перекус. Да он бы отказался наотрез и всерьёз обиделся.

Ехали мы, жевали, запивали по очереди чаем и понимали – вряд ли завтра Петровне опять повезёт с колбасой. Придётся исхитриться, иначе не приготовить перед работой завтрака.

... Раскопал-таки Разин сведения об отважной шестёрке беглецов. Оказалось, немцы их всё-таки поймали. Не сразу, спустя несколько суток после побега, километрах в ста от Риги. Ребята успели переодеться. Парней арестовали и направили копать заграждения. Наши наступающие части освободили, и они влились в их ряды.

Распространяться о своём пребывании в Саласпилсе все шестеро не очень-то спешили. Без того клеймо находившегося на вражеской территории предстояло смыть кровью. К мирной жизни вернулись с наградами. Некоторые на родную Псковщину, иных судьба разбросала по Союзу, вплоть до украинского Донбасса.

С одним из героев Ефиму Федотовичу удалось побеседовать, с другим завязал переписку, о некоторых сообщили их дети. Когда материал созрел и последняя фамилия героя перестала быть неизвестной – Ефим Федотович засел за книгу. На громадной редакционной машинке. В годы редакторства он выстукивал на ней пулемётные дробы. Печатал материалы боковыми подушечками указательных пальцев.

Догнали болезни – наследие лет, проведённых в концлагере. Наполовину парализовало. Книгу о Саласпилсе Разин стучал одной рукой. Потом ещё лет десять ждал возможности её опубликовать. И прежде-то Ефим Федотович зрением не отличался. Представляю, как ему было трудно вычитывать типографскую вёрстку.

Думаю, книга помогла Ефиму Федотовичу дожить почти до 80 лет. Ощущение невыполненного долга перед подвигом мальцов из Псковщины – держало на этом свете. Может быть, ещё пожил бы. Да, Федеративная Германия изъявила готовность оплатить в лучших санаториях лечение пожилого человека, пострадавшего от нацистов. Правда, скрупулёзные немцы запросили медицинские справки. Кандалакшские эскулапы сказали «есть!» и провели пожилого человека сквозь анализы. По полной программе. Это им удалось. А сердце пациента не выдержало.

Книгу Разина я считал бы учебником для молодых журналистов. Слогу, стилистике, экономике и прочим премудростям – можно поднабраться в университете. А вот отношению к журналистскому долгу на примере Ефима Федотовича не грех поучиться. Дстойный пример!

ПЛЕЧО КОЛИ БАКШЕВНИКОВА

Когда мы познакомились, мне было тридцать, Николаю двадцать два. Со временем вроде сравнялись, а тогда – разные поколения. Мои сверстники помнили войну, бомбёжки, голод, карточки. Колины имели представление о тех годах, но по книгам и рассказам старших.

Опять же за моими плечами – пятилетний рабкоровский стаж да пять лет в штате многотиражной газеты. Николай только поступил на заочную журналистику и начинал в газете с должности литсотрудника. Правда, в областной, в «Комсомольце Заполярья». Познакомились мы не на газетной полосе, а как соседи по общежитию.

От «Полярки» в журналистской комнате был только я – преддипломный практикант. Бакшевников, не поленился, втолковал сотрудникам малых редакций, в том числе родной «КоЗы», что я не такой дурак, как представляюсь, что стихотворный фельетон действительно тема моей практической дипломной работы. Ну, придумал себе товарищ такой жанр, захотелось повыпендриваться.

Вполне приемлемое желание для журналиста.

... Много лет авторам периферийных газет – многотиражным и районным – не полагалось имени. Рядом с фамилией – одинокий инициал. Дескать, нечего зазря разбрасываться буквами. Лишь редактор (дополнение «главный» появилось в Перестройку) имел право на два инициала. Тоже подручный партии (термин, из Хрущёвской оттепели), но облачённый двойной ответственностью. А что инициал и фамилия порой сталкивались лбами и высекали совсем не те искры, так это мелочи. Чего далеко ходить, моё имя, сокращённое до нескромного местоимения, довольно часто досаждало мне.

Спустя семь лет, вскоре после того, как стал работать в «Рудном Ковдоре», зашёл к редактору «Комсомольца Заполярья» Николаю Бакшевникову. Парень вырос и окреп. Во всех отношениях. Гляжу, Коля за столом и радуется:

– Ленинградский университет прислал на практику сообразительную студентку. Надо будет убедить девушку перейти на заочное отделение, взять в штат. Её репортаж открывает первую полосу. Дочитаю, покажу, сам убедишься.

Вдруг лицо редактора перекошилось. Прыжком преодолел расстояние до двери кабинета и гаркнул:

– Практикантку ко мне!

Явилось создание, целиком сотканное из лепестков ромашки.

– Что ты тут изобразила в конце репортажа?

– Имя и фамилию... Е. Баева...

– Псевдоним! – выдавил из себя редактор. Лицо его слилось по цвету с красной лампой из кабинета фотокода.

– Хорошо. Подпишусь маминой девичьей...

– Да хоть бабушкиной девичьей, – успокоился редактор. И мы пошли на совещание, ради которого я приехал в Мурманск.

Уезжал, как всегда, ночным ленинградским скорым, с него удобно пересаживаться в Кандалакше на пригородный до Ковдора. (Недавно узнал, что в XXI веке пригородный перестал ходить. Жаль, надёжный был транспорт).

Газетный киоск на вокзале открывал окошечко к отходу поезда на Ковдор. Купил «КоЗу», интересно, же, какой псевдоним выбрала практиканточка. Репортаж, развёрстаный на пять колонок, на прежнем месте. Под самым заголовком газеты. Гляжу на подпись: «Е. Бабаева».

На журналистские семинары выносились разного рода назревшие вопросы. Обычно обсуждения продолжались в гостинице, в номере дуайена периферийной журналистики, редактора «Кандалакшского коммуниста» Е.Ф. Разина. Уже без некоторых завсегдаев постоянных сборищ. У них своя компания – поближе к президиуму.

В задних рядах семинара часто сидел рядом с Николаем Бакшевниковым. И когда он возглавлял «Комсомолец Заполярья», и когда пересел в кресло редактора первого еженедельника в области – «Рыбного Мурмана», и когда работал ответсекком в «Полярке», и когда его понизили в должности до «зама самого себя».

... За год перед развалом страны Мурманск по очереди посетили Ельцин и Полозков (возглавлял компартию РСФСР). Выступили перед избирателями. Прикроешь глаза – одно лицо. Те же словесные обороты, тот же набор штампов.

Среди местных активистов, приклеившихся к московским гостям, выделялся некий тип, всю дорогу норовивший попасть в кадр. Узнал его. Попортил он мне крови в семидесятых, когда я редактировал «Рудный Ковдор». Его, заместителя редактора «Кировского рабочего», горком привлёк к рецензированию моей многотиражки.

Зам. редактора расстарался. Часа полтора доказывал, что «Рудный Ковдор» разбазаривает дорогую газетную площадь, помещает необязательные материалы, льющие воду не на нашу мельницу. Да ещё потекает частнособственническим инстинктам, ратует за развитие огородничества. В ущерб коммунистическим субботникам по озеленению города.

Что правда, то правда, в середине семидесятых многотиражка вела такую компанию. Побудил неурожай картофеля в средней полосе и завоз подмороженных клубней из Польши. Читатели подсказали. Напомнили, что поморы издревле выращивали в наших краях капусту и репу, что к августу у любителей вызревает даже клубника, что рядом с остатками бараков, в которых до войны жили заключённые, размещались картофельные поля. В Алакертти финны рожь сеяли.

В порядке не лобовой агитации многотиражка публиковала сведения эти из номера в номер. Продолила-таки камень недоверия. Вокруг Ковдора появились сады-огороды. Через год-два идею подхватили в Кандалакше, Кировске и даже в Мурманске. В теперешние времена, друзья пишут, область до половины потребляемых овощей сама выращивает.

Однако комиссия, собравшаяся по указанию идеолога Кировского горкома, в туманную даль не заглядывала. Заместитель редактора гор. газеты, подняв палец вверх, возгласил:

– Разве газета может называться партийной, когда о каких-то огородниках она пишет чаще и больше, чем о партийной учёбе?

– Факты? – пытаюсь унять пыл докладчика.

– За полгода многотиражка отвела партийной учёбе всего 28 материалов, а садоводам – аж 29...

... Спасибо Коле Бакшевникову. Перед поездкой в Апатиты на казнь я позвонил ему. Он сходил к заведующему сектором печати обкома Константину Владимировичу Полтеву, всё ему рассказал. Полтев специально приехал в Апатиты из Мурманска. Прикрыл меня, спустил дело на тормозах.

В горбачёвскую Перестройку означенный зам. редактора (и зав. партийным отделом) уже окончил двухгодичные курсы ВПШ Ленинграда. Среди первых переориентировался. Обслуживал «корнета Оболенского», прорвавшегося в Верховный Совет СССР, поставил на Полозкова, затем – на Ельцина.

Столь вольное обращение с принципами, признаюсь, удивляло не только меня. А экс. зам. редактора извлёк из своих колебаний реальные дивиденды. В постперестроечные годы дорос до поста главного редактора «Вечернего Мурманска».

Киев, март 1984-го. Наконец *пришла телеграмма за подписью директора Ковдорского ГОКа Сухачева – вызов на работу. С указанием адреса квартиры, что ждёт меня и мою семью в Ковдоре, в новом доме, на такой-то улице.* Слава Богу! Полутородовой эксперимент с попыткой прижиться в Киеве закончился. Впереди опять Север, где мне тепло и уютно. Задышу полной грудью, хотя кислорода там, действительно, поменьше.

Рассчитался в осточертевшем книжном издательстве, собрался, упаковал вещи. Жду разрешения милиции на въезд в погранзону, в Ковдор. Неожиданно, как обухом по голове, телеграмма: *«Ковдорский райком партии не рекомендует вам выезжать по вызову Ковдорского ГОКа».*

К рекомендациям этих ребят я не особо прислушивался. Они доказали мне, кто в доме, то есть в районе, хозяин. Пришлось уехать. А как возвратиться, если дорогу прикрыла телеграмма, она же шлагбаум.

Сам себе думаю: на ихнюю рекомендацию можно наплевать и растереть. Погранцы райкому не подчиняются, могу спокойно ехать. Но поставлю директора комбината в двусмысленное положение. Член бюро райкома, он от своих слов вряд ли откажется. Но работать придётся не в «Рудном Ковдоре», на который опять нацелился, а в техбюро управления комбината. К чему душа не лежит. Стоит ли из Киева уезжать, если и на Севере упрусь лбом в запрет на газету?

Звоню в «Полярную правду» Николаю Бакшевникову, ответственному секретарю. В ответ бодрое: «Не дрейфь, что-нибудь придумаем! Перезвоню». День, второй, третий. Объявился. Говорит, изложил ситуацию К. В. Полтеву. Константин Владимирович попросил узнать, а не соглашусь ли я поехать на юг полуострова и возглавить газету в Терском районе?

Размышляю, загибаю пальцы. Газета маленькая – шесть полос в неделю, всего на две больше, чем у многотиражки комбината. Но районная, то есть рангом повыше. Прошу передать, что согласен. Назавтра пришла третья телеграмма. За подписью первого секретаря Терского райкома П. Медведева. *С приглашением приехать на работу и сообщением о предоставлении квартиры.*

Спустя месяца три мне в Умбе вернули «полярки» – надбавки за стаж жителям Заполярья. Их выработывали тогда в течении пяти лет, они фактически удваивали

заработок – прибавляли 80 процентов к зарплате. Плюс 40 процентов северного коэффициента.

Во время войны и после орденосцам ежемесячно доплачивали за государственные (тогда говорили – правительственные) награды. Отец получал. Потом эту практику тихо отменили.

Орден у меня нет, медаль только ветеранская. Зато удвоенную враз зарплату могу приравнять к знаку отличия самого высокого ранга. До сих пор горжусь этой наградой.

Перевёз семью в Умбу, освоился в газете, а лично поблагодарить Николая за содействие всё не предоставлялось возможности. Наконец очередной областной семинар. Еду и думаю, как бы подбодрить человека. Накануне Бакшевникова резко понизили в должности, он стал заместителем самого себя. Выпускающим. Отвечающим в типографии за соответствие свёрстанных полос макету.

Лишился Николай места из-за одной единственной фразы, вскользь брошенной на летучке. Кто-то из ортодоксов обратил внимание на пробравшийся на страницы «политический ляп». В день всеобщего траура газета поместила на первой странице некролог маршалу Устинову, кавалеру семи орденов Ленина. А на третьей странице скалила зубы юмористически-сатирическая подборка «Пятый угол». Не знаю, какая вожжа попала Николаю под хвост, он огрызнулся:

– У них там в Политбюро пенсионер на пенсионере, на кладбище глядят, а мне каждый раз вёрстку ломать, график срывать!

Как ответственного не понять? При горячем наборе любая перевёрстка грозит ошибками в тексте. Опять же график выпуска номера жёстко привязан к расписанию движения поездов. Малейший сбой – газета не попадёт утром в города области.

Сотрудники, занявшие привычные места у стола и вдоль стен кабинета редактора, понимали, что к чему. Не первый год замужем. Но кто-то, как оказалось, понял больше остальных. В Москву полетела анонимка. Быстро вернулась. С грозной визой. Редактору газеты ничего другого не оставалось, как принять соответствующие меры по наведению порядка в секретариате газеты.

Но времена уже были не те. Спустя полгода Коля опять стал ответсекком. Встречались по-прежнему редко. Перебрасывались на ходу словами в коридорах «Полярки». Был случай, Бакшевников проведаль меня в областной больнице, чем поднял престиж рядового пациента на невиданную высоту. Приехал на чёрной «Волге» с обкомовскими номерами.

После моего перехода в собкоры «Полярки», дабы не разорять родную газету на командировочные, ночевал у Николая дома. В качестве ответного визита в Ковдор приезжала его дочь, Вера. Перевести дух после окончания пединститута. Нам с женой и сыном Вера Бакшевникова дорога, как художник – изобразила акварелью озеро Ковдор. Произведение украшает нашу квартиру в Киеве, стало той форточкой, сквозь которую мы прикасаемся к прошлой жизни.

Никаких приспособлений, кроме пишущей машинки югославско-гэдээровского производства я не освоил. А Коля оседлал компьютер ещё на излёте Перестройки.

Около тридцати лет жили мы с Николаем почти на одном меридиане, примерно в двух с гаком тысячах км друг от друга. Как ни странно, виделись и общались куда плотнее, чем на севере. Два раза я гостил в его летней резиденции – километрах в

пятидесяти к западу от Минска. Коля с Фаиной, их дочь Вера с мужем и детьми навещали нас в Киеве.

На даче Николай удивил собственноручно построенным парником, урожаем помидоров и огурцов. Впрочем, красными помидорчиками, выращенными на окне своего кабинета, Коля не раз угощал и в Мурманске. Опять же на даче под Минском пригласил в сконструированную лично баньку. На зиму окна в хате закрывал изнутри листами фанеры – вместо банальных решёток. Словом, каждая поездка в Белоруссию мне долго дома икалась, поскольку у нас с Колей руки растут из разных мест.

Тридцать лет жизни врозь. Общались по телефону, реже – по Интернету. Навещали друг друга, делились новостями, дивились бедности языка новомодных телеведущих. Переживали за детей и внуков.

Не от Коли, от знакомых, узнавал, что глава областного Союза журналистов Бакшевников преподавал журналистику в Мурманском университете (бывшем пединституте), организовывал семинары для периферийных журналистов, за кого-то ездил просить в Москву. И т. д. и т. п. Дошли сведения, что Николаю присвоили звание Почётного гражданина Мурманской области. Попытался уточнить, но он трижды переводил разговор на другую тему. Так и не поздравил. Награда эта – по причине редкости – куда выше иных государственных...

Были ли у Коли ордена и медали, если не считать медаль ветерана труда? Не знаю.

Трудно представить, во сколько часов (недель, месяцев, лет) обошёлся Николаю толстенный том энциклопедии Мурманской журналистики и мурманского Союза журналистов. Организации, которую он почти четверть века возглавлял. Сам и швец, и жнец и на дуде игрец. В смысле отбора текстов, иллюстраций, сверки фамилий, имён и отчеств, чисел, названий газет и пр., и пр.

Если бы ничего другого в жизни Николай не совершил, всё равно заслужил бы благодарность в поколениях профессионалов. Труд воистину колоссальный. Просто тяжёлый. Не забыты сотни людей, так или иначе оставивших в XX веке след в журналистике области. У одних Николай учился, с другими общался на уровне «здрасьте – до свиданья», третьих наблюдал со стороны. Поведение четвёртых – назовём их так – было ему поперёк горла. Ну не воспринимал он людей, возвеличивавших на газетной полосе или на экране телевизора сначала себя любимого, а потом, «мелким почерком», – своих собеседников.

Стандартные в оны годы «Ударные недели и декады» навстречу очередной дате – портили ему настроение. Иные деятели, срывавшие все возможные награды, звания и грамоты, плюс путёвки и даже гонорары за распространение билетов Международной журналистской лотереи, вызывали у него – человека совестливого – чуть ли не омерзение.

Для каждого персонажа вместительной книги составитель нашёл тёплое слово, упомянул достижения. Изложил факты и только факты. Со скрупулёзностью, завещанной легендарными французскими энциклопедистами. А уже читателю, если он захочет познакомиться с первоисточниками, то есть с подшивками газет, судить – достоин или не очень данный журналист доброй памяти.

Опыт работы над энциклопедией довлел над Николаем, когда, наконец, он смог приняться за воспоминания о своём Мончегорском детстве и юности, легших в основу книги «Наш двор». Мельчайшие детали послевоенных лет освещены со скрупулёзной точностью. Но уж в воспоминаниях можно было бы отойти от нарочитой объективности

и, как говорят журналисты «взлететь». Наполнить текст собственными наблюдениями и мыслями. Всем тем, чем отличались материалы Бакшевникова в «Комсомольце Заполярья», «Рыбном Мурмане», «Полярной правде». Как подписанные, так и под псевдонимом. Или без подписи. Те же передовые статьи. Но Николай сковал себя по рукам и ногам должностью составителя книги «Наш двор». Сократил личное. А оно, безусловно, оживило бы и приподняло изложение.

За полвека знакомства не раз задумывался, отчего это Николай порой поступает вразрез с собственными устремлениями и порывами (хотя и с резкими отступлениями типа его реплики на редакционной летучке по поводу всенародного траура в связи с кончиной маршала). Наверное, и точно сказалась традиция «Полярной правды», где сотрудников больше ценили за их достоинства, чем вменяли в вину недостатки. У большинства в коллективе запись в Трудовой о работе в «Полярке» была, если не первой, то последней. Не теряли ветераны связи с газетой и после ухода на пенсию.

Словом, редакторы газеты, а их на моей памяти сменилось три или четыре, не подбирали сотрудников «под себя». От того, от некоторой разноголосицы, каждый читатель находил на страницах что-то интересное. Тираж «Полярки» по подписке в восьмидесятых подобрался почти к двумстам тысячам...

Вот и всё. Не позвоню больше в феврале Николаю, не поздравлю его с днём рождения. Не обменяюсь мнениями на предмет языкового сопровождения текущей информации. Не удивлюсь вдруг незнакомым голосам по телефону. Лишь когда Коле надоедало прикидываться, узнавал его. Он изменял тембр и интонации. Подражал общим друзьям, а то генсеку или президенту. С такими артистическими данными на радио работать, на телевидении деньги загребать, а не отдавать все силы газете, где модуляции звуков, в общем-то, не имеют значения. Читабельность – ах, какое объёмное существовало понятие – материала больше зависит от мыслей автора, запаса его слов и умения их сочетать. Процесс чтения читателю должен доставлять радость. Чтобы, извините, захотелось корреспонденцию прочесть вслух.

Николая Бакшевникова коробило от возрастающего давления на русский язык иноязычных прибаамбасов. Нынешние молодые люди настолько привыкли к английскому, что их не возмущает перенос чужих правил на русскую почву. Они спокойно, как само собой разумеющееся, говорят «купил «Тойота», «побывал в пресстур», «поселился в Олимпия» и т. д.

Когда ломание русского языка об колено происходит в рекламных текстах – понятно. «Кто заказывает музыку, тот и танцует девушку». Но чтобы подобное насилие происходило в повседневной жизни ... Это уже где-то на уровне оккупации родного пространства чужим языком. Даже во времена Чехова герои его рассказов позволяли себе склонять существительное «кофе». Они получали удовольствие от «кофию». Или не получали. От напитка, а не от его словесной оболочки.

Сколько их, людей, профессионально использующих язык в работе, продолжают не замечать нахального отклонения от норм русского языка! Всё реже случаи, когда имярек общается со своим знакомым не «в режиме онлайн», а «в онлайн».

Но Коли нет, и не с кем поделиться радостью.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ЧУДО

(Наброски к поэме)

БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ

Секретом
Твоим не владею и, верно, не буду,
Газета,
Моё ежедневное хрупкое чудо.
Страницы,
Застыли в металле, готовы к печати.
– Годится!
А вдруг по-иному рассудит читатель?
Зевая,
Отложит в сторонку, прочесть не захочет,
Не зная –
Зачем ему знать? – технологию строчек.

СНАЧАЛА – НАЧАЛО

С чего начинаются строчки в газете?
С подробного плана, а как же иначе,
Где нужно предвидеть, представить, отметить
На месяц вперёд боевые задачи...

С чего начинаются строчки в газете?
С письма, со звонка, с разговора, с намёка,
Когда вдруг увидишь в обычном предмете
Набухшие почки проблемы глубокой...

С чего начинаются строчки в газете?
С бессонных ночей и сонливых дебатов,
Со споров с друзьями, с обид в кабинете,
С машины, с квартиры, со ставок, со штатов...

С чего начинаются строчки в газете?
С поправок в представленном оригинале,
С клише, заголовков, оборок, макета,
Из «дыр» и «хвостов», что всплывают в металле...

Короче, нельзя однозначно ответить,
С чего начинаются строчки в газете.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБРАБОТКА

Повезло же человеку!
Позавидуешь, и как:
«Ехал Грека через реку,
Видит Грека – в реке рак...».
Что ж, в печать без всякой правки,
Сообщим другим в пример!
Но сперва наводим справки,
Может, Грека – браконьер?
Здесь претензий нет, однако,
Есть лицензия на рака.

Все спешат в двадцатом веке,
Пишут слово – два в уме.
Имя-отчество у Греки
Не указано в письме.
Да к тому ж ещё в азарте
Автор спутал тьму вещей,
Речки не найти на карте,
Там пунктиром лишь ручей.

Чтоб читалось, как в аптеке,
Вправим росчерком пера:
«На «козле» поехал Греков
Пётр Борисыч в пять утра...».
Чей «козёл», пока опустим,
Говорят, нашёл в капусте.

Дальше – больше, полный спектр,
Приложили руку все.
Возмущается корректор:
– Ну и «блохи» в полосе!
Что за странные словечки!
Автор с текстом хоть знаком?!

«Ехал Раков через гречку,
Через кашу с молоком...».
Бац! Да тут же «хвост» у нас, –
Обрубили и в запас!

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Высокий голос бьёт по перепонкам,
Отправлен по инстанциям набат:
– «Четыре чудненьких чумазеньких чертёнка...»
Да это же поклёп на детский сад!

На коллектив, что борется с чернилом
Советом, консультацией и мылом.

– Позвольте!

– Не позволим! (в трубке всхлипы),
Поставлено пятно на коллектив!
Кто только пропустил такую липу,
Ответственную няню, не спросив?!
Мы не глупее, ясно нам, зачем
Вы выбрали пример на букву «Ч».

– Чего пример?! Вчитайтесь, ради Бога:
«... Чертили очень тщательно чертёж».
Не успокоятся, и будут бить тревогу,
Давай поправку – их не проведёшь, –
Мол, в прошлом номере забыты в первой строчке:
«Четыре миленьких умытых ангелочка...».

ЗАВИСТЬ БЕЛАЯ

Врачу завидую! За что? А вот за это:
Ему больные не дают советов.

И пекарю, что сгорблен у печи, –
Его не учат жар держать врачи.

И дворнику, что на ветру продрог, –
Его не поучает хлебопёк.

И парикмахеру... Да нет, ему чего?
Мы с ним, наверно, ряда одного,

Для нас один закон, один устав:
Клиент (читатель) – прав, а ты – не прав!

МЕЖДУ НАМИ, СТРОЧКОГОНАМИ, ГОВОРЯ

– Не глаза у неё, а глазищи,
Но ... не выполнено задание.
– Выдай в номер сто строк или тыщу!
А потом уж иди на свидание.

– Горло сдавлено, словно железом,
В голове непонятное марево...
– Выдай в номер сто строк и два вреза!
А потом бюллетень отоваривай.

– Завтра в отпуск с горящей путёвкой,
Огорошен везением разовым ...
– Выдай в номер сто строк и текстовку!
А потом уж билеты заказывай.

– Надоело! Другого пусть ищут,
Не живётся уже и не дышится...
– Выдай в номер сто строк или тыщу!
А потом говори, что не пишется.

ПЕСЕНКА ГАЗЕТЧИКА

Судьба не знает меры,
Судьбе и дела нету:
Сошлют ли на галеры?
Иль пригласят в газету?

Нас упрекать нелепо
За то, что метим в дамки.
Прикованные цепью,
Мы честно тянем лямку.

Другие есть примеры,
А мы довольны этим:
Прохладой на галере,
Заметкою в газете.

И поспокойней роли
Нам предлагать наивно.
Весло в руках, перо ли –
Мы с ними неразрывны.

Судьба не знает меры,
Спасибо ей за это.
Будь проклята галера!
Да здравствует газета!

МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

Есть приятнее? Едва ли.
– Вы читали?
Бьёт газета каждой строчкой
Прямо в точку!
Сдерживаешься, как можешь –
Автор всё же,
А в душе клокочут волны –
Переполнен!
Был ответ весомым, зримым:
«Меры примем!»

Значит, помогло, задело...

Слово – дело!

А В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ...

А в последний момент сообщенье:

«Рекорд

Ожидается по осадкам».

А в последний момент надо в рубрике «Спорт»

Пригвоздить футболистов к порядку.

А в последний момент нет подвальной статьи:

– Не могу, – молит автор, – замотан!

А в последний момент вспоминаешь:

А чьи

Сверху слева ботинки на фото?

А в последний момент ...

Хоть убей, невдомёк,

Не раскрою, наверно, секрета

Почему так бывает, что вовремя, в срок

Ежедневно выходит газета?

1976 год.